

Анна Дубчак

Умереть от любви,
или Пианино
для господина Ш.

«...Она делала все, что изобретет
ей в голову, и совершала самые
безрасудные поступки,
какие только можно было себе
представить».

Анна Дубчак

«Белые» люди

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168558

Умереть от любви, или Пианино для господина Ш.: АСТ, Астрель,

Люкс; М.; 2007

ISBN 5-17-030490-0, 5-271-11477-5, 5-9660-1627-5

Аннотация

Рассказ из авторского сборника «Умереть от любви, или Пианино для господина Ш.»

Анна Дубчак

«Белые» люди

В Коротаяевском колхозе полным ходом шла ревизия. Ревизор Роман Георгиевич Сарафанов со своим помощником Потехиным Иваном Павловичем сидели в прокуренной бухгалтерии, обложившись кипами папок, и, прихлебывая огненный чай, сочиняли акт ревизии. Изредка на цыпочках к ним заходила секретарша председателя Катенька, ставила очередное блюдо с бутербродами, заменяла стаканы с чаем и так же неслышно выходила. Просунув голову в кабинет председателя, Благодрава Анатолия Петровича, она значительно кивала ему, что означало: «Все идет нормально», потом усаживалась на свое место, и приемная оглашалась веселой трескотней машинки.

Благодрава нервничал; многие документы были у него не в порядке, и спасти положение можно было только старыми, проверенными способами. Сегодня вечером ревизия должна была закончиться, и Анатолий Петрович готовился к пышным проводам проверяющих, отчего с самого утра сидел на телефоне и обзванивал знакомых.

– Максимыч, скорее беги к Селиванову, у него в бане еще два свежих веника остались, а если нет, то прямо к Крулю...

Он знает, я с ним говорил вчера. Беги, родной, беги. Ну все, добре...

– Зина? Это Благонравов беспокоит. Выручай, Зинаида, две баночки икры хоть лопни, но достань. Не забуду, век не забуду... Все. Жду.

– Мама Таня? Ты там с ног еще не валишься? А я тут вспомнил, что у нас в кладовке гусь копченый остался. Так, что еще... Да! В четыре часа буду сам, баньку растапливать начну потихоньку. А ты там полотенчики, чаек липовый сваргань, вареньица разные, не забудь мое любимое, оранжевое, из этих, ну как их там, из абрикосов... В общем, ты баба, сама разуместь должна. И еще, чуть не забыл, в моем кабинете, в шкафу, должны быть махровые халаты, еще с прошлого раза остались. Что? Да не знаю чьи! Могут пригодиться, мало ли что! Ну все, Тань, мне некогда...

Заканчивался урок сольфеджио. За стеной высокий детский голос выводил гамму. Наталия Александровна, заведующая филиалом музыкальной школы, остановилась в нерешительности, но потом все-таки приоткрыла дверь и вызвала преподавательницу Евгению Николаевну.

– Женя, ты прости, что оторвала тебя, но только что звонила Лариса Альбертовна...

Лариса Альбертовна была завучем музыкальной школы в районном центре Белый Яр, филиалы которой были разбросаны по всему району, в том числе и в Коротаевке. Связь с филиалами в основном телефонная. Звонили, однако, ред-

ко, и не всегда эти звонки были приятными, скорее наоборот, чаще всего или предупреждения о приезде начальства на экзамен, или сообщения о собраниях и шефских концертах. Неприятен был уже и сам тон, с которым обращались к коротаевским преподавателям: намеренно превосходительный, не терпящий возражений, когда об элементарных вещах говорилось и напоминалось по нескольку раз, а о чем-то интересном для них, важном, упоминалось вскользь... Особенно чувствительной на этот «белоярский тон» оказалась обидчивая и горячая Женечка, приехавшая в Коротаевку из областного центра по распределению и никак не хотевшая смириться с таким отношением к себе начальства. Первое время она даже плакала после экзамена в классе. «Ну чем, чем мы не понравились ей? И руки поставлены не хуже, чем у ее учеников, и чего было придирааться к первому пальцу? И зачем эта дурацкая уравниловка, эти сахарные, никому не нужные пятерки?»

Наталия Александровна очень хорошо понимала ее, ведь никто не знал, какими усилиями достался ей этот филиал, в котором вот уже два года она работала совершенно одна. Без нее не распределили бы сюда и Женю.

Поехав за взбалмошным, неусидчивым мужем, мужиком-кочевником цыганских кровей, она со своим образованием так и осталась бы домохозяйкой, если бы не огромное желание открыть музыкальную школу. Сколько порогов ей пришлось обить, сколько очередей и выстоять и высидеть,

чтобы пробиться на прием к очередному начальнику, чтобы, наконец, доказать необходимость создания филиала. И вот результат: два маленьких класса в общеобразовательной школе, два старых, разбитых, привезенных из Белого Яра пианино, один аккордеон, купленный на колхозные деньги, и небольшая библиотека по музыкальной литературе.

– Экзамен будем принимать вдвоем! Лариска не приедет из-за сильных морозов. Но самое-то главное, Женя-а! Нас пригласили в Белый Яр на новогодний вечер! А ты, дурочка, еще не хотела покупать себе платье! Теперь, как хорошо-то, пригодится!

Женя сначала оторопело посмотрела на Наталию, но потом лицо ее приняло восторженное выражение и в глазах появилась нескрываемая радость. Она отчетливо представила большой актовый зал музыкальной школы, себя в новом вечернем платье, кругом разноцветные огни, под ногами спутанные кудри серпантина, россыпи конфетти, шум-гам, музыка, восхищенные взгляды! Все это вихрем закружилось перед глазами:

– Представляешь, Наталия, приедем туда, как «белые» люди, в красивых платьях, капроне... Лариска запомнила меня такой, какой видела год назад на экзамене, когда в школе не топили и мы сидели, помнишь, в шубах, валенках, она еще заметила, что на подошвы налипла солома. А теперь мы им покажем, правда, Наташ? А то, тоже мне. – И Женя, зажав нос и подражая гнусавому и капризному голосу завуча,

пропела: – «Наталья Александровна, у нас в Белом Яру, Белом Яру! Ах, у нас в школе, у нас в школе!»

Наталья смотрела на нее и радовалась ее хорошему настроению. Хотя именно для нее, для Наталии, эта поездка была событием особенной важности, можно даже сказать, политическим! Но Женечка была молода, и сейчас, когда прошло столько времени, это событие обещало ей огромную радость. Поэтому, наверно, слушая ее, она незаметно погрустнела, вспомнив о своем...

Муж у Наталии пил и бесился ревностью. Из-за денег он нанялся пастухом и целыми днями пропадал в поле с коротаевскими козами и коровами, а вечером, продрогший и усталый, во всем грязном шел в сарай, напивался там браги и засыпал прямо на соломе.

К ужину просыпался и шел в дом, на кухню, где мешал Наталии, суя нос в кастрюли. После ужина долго курил, наблюдая за тем, как жена моет посуду, и, глядя прищуренными глазами на ее оголенные плечи и тугие, обтянутые халатом бедра, начинал свои вечные придирки и подозрения, доводящие Наталию до бешенства. Эти вечерние сцены кончались подчас драками, из которых Наталия всегда выходила победительницей.

Зимой Серега, так звали мужа, устраивался сторожем. Сторожил то магазин, то склад, то комбинат бытовых услуг. Последнее место особенно не нравилось Наталии: там его сменщицей работала старая Крулиха, большая любительни-

да выпить за чужой счет. В их семье пили все: она, ее муж – колхозный водитель Карл Круль, немец по национальности, и дочь – заведующая этим самым комбинатом. Но если отец и дочь пили после работы, то сама Крулиха прикладывалась к бутылке ежечасно.

После занятий, когда Наталия с Женей вышли из школы, совсем стемнело. Коротаявка утонула в снегу, и маленькие светящиеся леденцы окон не могли пробить своим слабым светом голубую темноту широких, засаженных вишнями улиц. Проваливаясь в снег, они выбрались на самую протоптанную дорожку и направились к дому Наталии, которая жила в небольшом особняке, а Женя, в отличие от нее, в двухэтажке, которая плохо отапливалась из-за постоянной нехватки солярки в котельной. У Наталии печь топилась газом, и поэтому в доме всегда было жарко. В морозные и метельные зимние месяцы Наталия приглашала Женю к себе с ночевкой, и они подолгу пили чай на кухне, засиживались допоздна... Подчас Женя являлась хорошей защитой от пьяного, неуправляемого Сергея, который, в каком бы состоянии ни был, всегда ее слушался и, успокоившись, уходил спать. Причиной частых визитов была и дочка Наталии, Валерка, крепкая, румяная девочка пяти лет, с беленькими кудряшками и грубым, в отца, баском. Она называла молодую учительницу «тетей Женей» и очень ее любила. К домашним скандалам она относилась не по-детски спокойно и, чувствуя начало очередной ссоры папы с мамой, запира-

лась у себя в спальне, где, посадив кукол и мишек за игрушечный столик, наливала в крохотную посудку воду и, грозя маленьким розовым пальчиком, говорила: «Не пей, не пей!» – и била кукол. Потом, расправившись с ними и разлив всю воду, приготовленную для цветов, на пол, просовывала свою кудрявую головку в дверь и делала ЦУ – ценные указания: «Мам, а ты его шарфиком свяжи, пусть тогда болтает чего хочет» или: «Папка, а я тебя теперь не боюсь!».

Когда они пришли, Валерка была уже дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.